

тип, инвариант сюжетов „Виринеи“, „Мастера и Маргариты“, „Гамлета“, „Видений Иоанна Грозного“, „Короля Лира“. Но все это есть и в операх Мусоргского, Шостаковича, мало ли где еще. Непересекаемая граница между Мусоргским и Слонимским лежит не в сюжете, не в словесной драматургии, а в природе музыкального материала, в специфике музыкального стиля и музыкальной драматургии. Язык Слонимского другой — не лучше и не хуже, просто другой — свой и неповторимый» [1, с. 115–116].

Я. А. Гордин: «Особенность Слонимского, придающая увлекательность работе с ним, — неожиданность замысла. Слонимский, человек с опытом страшного XX века, стремится дойти до самой сути мирового исторического урока. Для него человеческие страсти неразделимы

с политикой, личные драмы намертво встроены в драму общества. Музыкальная стихия опер Слонимского, создавая особую историософскую модель событий, дает возможность увидеть то, что ни наука, ни литература изобразить не в силах» [1, с. 18].

А. П. Петров: «Очень трудно назвать имя композитора, который сегодня с таким успехом обращался бы своим творчестве буквально ко всем существующим ныне классическим и современным музыкальным жанрам» [1, с. 91].

С. А. Губайдулина: «Каждый раз, когда до меня доносится музыкальный голос Сергея Слонимского, я испытываю почти детское чувство: „Пока что все в порядке, мы еще не заблудились“» [1, с. 85].

Материал подготовила М. В. Михеева

Литература

1. Вольные мысли. К юбилею Сергея Слонимского / сост. Т. А. Зайцева, Р. Н. Слонимская. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2003. 616 с.
2. Отечественная музыка XIX–XX веков в высказываниях ее авторов / сост. Н. Хотунцов. СПб.: Союз художников, 2019. 232 с.

Продолжаем начатую в № 47 публикацию материалов, посвященных истории Средней специальной музыкальной школы Санкт-Петербургской консерватории. Автор и координатор проекта Д. Ю. Брагинский, редакция

Vladimir BEGLETSOV “The School has determined my destiny”

Владимир БЕГЛЕЦОВ «„Десятилетка“ определила мою судьбу»

Interview with Vladimir Begletsov, Honored Artist of the Russian Federation, Laureat of the Yehudi Menuhin Trust International Competition for conductors. A graduate of the Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory recalls his years of study, the events of school life and his teachers both at the School and at the Conservatory.

Keywords: V. E. Begletsov, P. A. Rossolovsky, V. V. Nielsen, R. I. Sereda, O. E. Sokolov, N. A. Francko, N. F. Uschakova, I. P. Nazaryan, V. V. Kirpichev, Y. H. Temirkanov, the Secondary Special Music School of the Saint-Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory.

Интервью с Заслуженным артистом РФ, лауреатом Международного конкурса симфонических дирижеров Фонда Иегуди Менухина Владимиром Евгеньевичем Беглецовым. Выпускник Средней специальной музыкальной школы вспоминает о годах учебы, о событиях школьной жизни и о своих учителях как в школе, так и в консерватории.

Ключевые слова: В. Е. Беглецов, П. А. Россоловский, В. В. Нильсен, Р. И. Середина, О. Е. Соколов, Н. А. Франко, Н. Ф. Ушакова, И. П. Назарян, В. В. Кирпичев, Ю. Х. Темирканов, Средняя специальная музыкальная школа Ленинградской (Санкт-Петербургской) государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

Владимир Евгеньевич Беглецов — один из известнейших музыкантов нашего города. Окончив Ленинградскую (Санкт-Петербургскую) консерваторию по двум специальностям — «хоровое дирижирование» и «оперно-симфоническое дирижирование», ныне он является художественным руководителем и главным дирижером Концертного хора Санкт-Петербурга, а также директором Хорового училища имени М. И. Глинки и художественным руководителем Хора мальчиков училища

«Десятилетка» определила мою судьбу»

Дмитрий Брагинский. Владимир Евгеньевич, скажите, пожалуйста, Ваша жизнь в школе Ленинградской консерватории началась с первого класса?

Владимир Беглецов. Нет, я появился в «десятилетке» в шестом классе. Родился я в городе Краснодар, там и прошли мои первые уроки музыки. А в Ленинград приехал сдавать вступительные экзамены в школу консерватории в 1976 году. Подавал я документы на фортепианный отдел, но, неожиданно для себя, поступил на дирижерско-хоровой. Этому очень поспособствовал замечательный хоровик, профессор консерватории Петр Алексеевич Россоловский, который был в то время директором «десятилетки».

П. А. Россоловский, по сути, predetermined мою дальнейшую судьбу. После вступительных экзаменов он оставил меня в своем кабинете и попросил продирижировать некоторыми музыкальными отрывками. Он сам сыграл на рояле что-то, что должно было соответствовать маршу, что-то, что должно было соответствовать вальсу, что-то, что соответствовало другим жанрам — сейчас не помню точно, что именно он играл. Естественно, мне тогда было одиннадцать лет, и дирижеров я видел только на концертах и во время телевизионных трансляций. В силу своих способностей я что-то изображал руками, после чего Петр Алексеевич пригласил мою маму в кабинет, чтобы поговорить о моем будущем. Он предложил ей, чтобы я поступал на дирижерско-хоровой отдел и сказал: «Давайте Ваш мальчик будет учиться на дирижера!». Когда я ехал из Краснодара я даже не знал о том, что в Ленинграде, в школе консерватории можно учиться дирижерскому ремеслу. Все мои мысли были о том, чтобы стать пианистом и к тому времени я ничего больше и не умел в музыке. Хоровое дирижирование стало для меня сюрпризом, но я сразу окунулся в этот мир. Сначала я учился в классе Олега Евгеньевича Соколова, а потом через год он стал директором школы. Нагрузка у него возросла, оказалось, что класс слишком большой, и я перешел учиться к Надежде Андреевне Франко, у которой и окончил школу.

Д. Б. Есть ли разница преподавания по специальности в Хоровом училище и «десятилетке»? Как бы Вы могли описать отличия?

В. Б. Конечно, разница существенная. Прежде всего, это касается такой дисциплины, как «хор». В училище это основной предмет, занятия проходят четыре раза в неделю по два часа. В «десятилетке» хоровые занятия проходили один раз в неделю по два часа и, естественно, что там собирались учащиеся всех специальностей, не только хоровики, но и пианисты, струнники, духовики. Почему-то хор не привлекали к совместной работе с симфоническим оркестром учащихся, который работал постоянно, хотя это было бы очень интересно. Хором руководила Раиса Иосифовна Середа. Это имя вызывает радостную улыбку у всех, кто в те годы участвовал в хоре, независимо от специальности. Я с благодарностью вспоминаю ее занятия, ее любили абсолютно все, и учащиеся, и преподаватели, что было редкостью, нужно сказать. Р. И. Середа была замечательным педагогом и замечательным человеком. Показательно, что мы никогда не присваивали прозвища тем педагогам, которых по-настоящему любили. Только имя-отчество или только имя.

Владимир Беглецов — ученик ССМШ. 1976 год

Х А Р А К Т Е Р И С Т И К А
выпускника Средней специальной музыкальной школы
при Ленинградской ордене Ленина государственной
консерватории им. П.А. Глинка-Корсакова

Б Е Г Л Е Ц О В А Владимира Евгеньевича
1964 года рождения, чл. ВЛКСМ
специальность — хор, дирижирование

БЕГЛЕЦОВ Владимир обучался в Средней специальной музыкальной школе с 1976 года.

По специальности — хоровое дирижирование, обладает отличными музыкальными данными: прекрасным слухом, ритмом, музыкальной памятью, свободно владеет игрой на фортепиано, импровизирует. Избранную профессию очень любит.

Общеобразовательную школу окончил преимущественно с хорошими оценками. Проявил достаточно настойчивости в овладении знаниями.

Имел комсомольское поручение — был политинформатором класса.

Скромный, вежливый, уважительно относится к старшим. Рекомендуется для поступления в Ленинградскую консерваторию.

Директор школы	/ Соколов О.Б.
Секретарь партбюро	/ Егоров М.М./
Председатель местного	/ Васильева Т.А./

26 июня 1982 г.
г. Ленинград

Рекомендация дирекции ССМШ
в Ленинградскую консерваторию. 1982 год

Сильная сторона «десятилетки» заключалась в том, что на специальность «хоровое дирижирование» можно было попасть даже в четвертом классе. В то время как в учи-

лище специальность начинается только с седьмого класса, когда мальчишки мутируют и молчат пару лет. В «десятилетке» на хоровом отделе учились и девочки. Они всегда были очень сильными музыкантами и составляли мальчикам серьезную конкуренцию при поступлении в консерваторию. В глубине души все «десятилеточные» не любили «училищных», и наоборот. Естественно, при поступлении в консерваторию было своеобразное сражение.

Нужно сказать, что в «десятилетке» на очень высоком уровне проходили занятия по музыкально-теоретическим дисциплинам, по сольфеджио, музыкальной литературе и гармонии. Очень важна была и дисциплина «фортепиано», с которой я начал свой путь в музыке и которой занимался очень серьезно, глубоко и активно и после поступления на дирижерско-хоровую специальность. Я учился у Наталии Федоровны Ушаковой и очень благодарен за все годы, проведенные в ее в классе. В школьные годы я был редким оболтусом, пропускал занятия не только по общеобразовательным, но и специальным дисциплинам. Наталия Федоровна очень строго следила за мной, порой находила меня в интернате и заставляла идти на занятия. Учеба у нее также предопределила мою дальнейшую судьбу. В свое время она, вместе со своим мужем Сергеем Юрьевичем Дзевановским, училась в классе Владимира Владимировича Нильсена. Забегая вперед, скажу, что учась в консерватории и я, преодолев разнообразные тернии, в конце концов, стал студентом профессора Нильсена.

Д. Б. Как это могло произойти? В. В. Нильсен преподавал на кафедре специального фортепиано, а Вы учились на дирижерско-хоровом факультете...

В. Б. Дело в том, что я совмещал два факультета. В те годы это можно еще было делать свободно, поэтому я учился и на фортепианном факультете. К сожалению, окончить мне его так и не удалось...

Д. Б. Что же помешало?

В. Б. Служба в армии. До второго семестра пятого курса я проучился как хоровик и как пианист, причем даже сыграл зимний экзамен. Получил зимой «пятерку» как пианист и это было все, что я успел: 23 декабря (как сейчас помню) меня отловили сотрудники военкомата. До пятого курса я всеми правдами и неправдами, как говорили в народе, «косил от армии». Делал все, что мог. То ложился в больницу, то скрывался у приятелей на даче, чтобы мне не вручили повестку. Но, в конце концов, я как-то расслабился и однажды вышел в общежитии на вахту, где столкнулся с работниками комиссариата. Они как раз стояли у проходной и спросили: «Как нам найти Владимира Беглецова?». Тут появился я, и вахтерша радостно воскликнула: «Так вот сам Беглецов и идет!». Мне торжественно вручили повестку и заставили ее подписать. И всё. Моя гражданская жизнь кончилась.

23 декабря я подписал повестку, а 26 декабря меня уже призвали в армию. Я сразу уехал в поселок Сертолово и попал в полк связи, где пробыл почти полгода. В мае меня, слава богу, перевели служить в Ленинград, в Ансамбль песни и пляски.

Когда я вернулся из армии и начал восстанавливаться в консерватории, мне было сказано, что нельзя получать два диплома в один год. Я должен был выбрать один факультет и естественно, что я остановился на дирижерско-хоровой специальности. Не смотря на то, что моим преподавателем по основной специальности был Владислав Александрович Чернушенко, занимавший тогда пост ректора, ничего нельзя было сделать, и я после двух лет армии выбрал госэкзамен по хоровому дирижированию. Когда я получил первый диплом, у меня опять возник выбор — либо продолжать учиться на фортепианном факультете, либо поступать на оперно-симфонический. И я снова поступил в консерваторию, но на «дир-симф», как мы говорили. В дальнейшем, когда я стал обладателем второго диплома, я попытался вернуться к фортепианной теме, но оказалось, что три диплома нельзя получить в принципе. Потом я начал достаточно плотно работать в Академической Капелле имени М. И. Глинки, потом женился, потом в моей жизни возник Хор мальчиков Хорового училища и постепенно вопрос об окончании консерватории по специальности «фортепиано» отступил на задний план. Хотя пианистом мне уже не хотелось быть.

Д. Б. Вы часто общались с В. В. Нильсеном?

В. Б. Все пять лет, проведенные в классе Владимира Владимировича Нильсена, стали для меня просто бесценным опытом. Годы учения под его руководством дали мне очень много, если не сказать — почти все. На всю жизнь я запомнил то, чему я научился в его классе и, особенно, в прямом общении.

Я очень часто общался с ним. Более того, я почти два года жил в его квартире в Пушкине, поэтому я был не только в курсе бытовых условий профессора Нильсена, но и постигал изнутри его творческую жизнь. Я жил рядом и мог наблюдать и как он сам репетировал, и как занимался с многочисленными студентами, приезжавшими в Пушкин из города. Каждую среду он занимался в «десятом» классе консерватории, а в четверг, пятницу, субботу и воскресенье учащиеся приезжали для занятий к нему домой. Увы, все-таки к тому времени у него, не много не мало, было уже шесть инфарктов, поэтому он много занимался дома. За эти годы я много от него получил, и как от музыканта, и как от человека.

Д. Б. Как получилось, что Вы стали «квартирантом» профессора Нильсена?

В. Б. Я проучился в классе Владимира Владимировича какое-то время и все в нашем классе стали отмечать, что я вызываю у него внутреннюю сим-

патию. Может быть, я и сам не догадывался об этом, но для окружающих это было очевидно. Поворотной точкой стала одна из сред — один из тех дней, когда Владимир Владимирович должен был заниматься в консерватории. Он был человеком очень пунктуальным и каждый день у него проходил, словно по расписанию. Обычно он приезжал на электричке по средам на Витебский вокзал, на «одиннадцатом» трамвае добирался до Театральной площади и сразу шел в так называемую «филипповскую» булочную, на углу улицы Глинки (сейчас на ее месте ресторан), где традиционно пил кофе за двадцать две копейки с булочкой за двенадцать копеек. Или иногда он заходил в консерваторский буфет, где также брал кофе с булочкой, но никогда не посещал профессорский зал, а всегда сидел вместе со студентами.

В один из дней мы были встревожены. Наступило без пятнадцати шесть, а профессора не было ни где, ни в булочной, ни в буфете. В шесть его также не было ни внизу, ни в классе, что было экстраординарным событием. Мы стали бояться, что с ним что-то случилось, и через пятнадцать минут все студенты поручили мне позвонить в Пушкин. Я набрал номер и через достаточно продолжительное время Владимир Владимирович снял трубку. Я спросил, не случилось ли что-то, и он сказал потухшим голосом: «Да, случилось...Только что у меня на руках умерла мама...». И после паузы добавил фразу, которую я запомнил на всю жизнь и которую рассказываю всем своим учениками: «...у меня на руках умерла мама... Передай студентам, что занятий сегодня не будет...».

Через некоторое время после того как Владимир Владимирович похоронил мать (если не ошибаюсь, ей было девяносто восемь лет), он сказал мне: «Если ты не против, не мог бы ты жить в соседней маминной комнате? Я живу один, и мне порой бывает трудно, а ты мог бы помочь».

У Владимира Владимировича была домработница с красивым именем Авдотья, и мы с ней распределяли обязанности. Как правило, я ходил в магазин за продуктами, а она вела все хозяйство.

Д. Б. Какие учителя «десятилетки» Вам запомнились?

В. Б. Естественно, мой преподаватель Надежда Андреевна Франко. Наверное, все выпускники до меня вспоминали учителя по начальной военной подготовке по фамилии Борейша. Это была легендарная, незабываемая личность. За ним просто записывали «перлы», которые он источал на каждом уроке.

Преподаватель физики Инна Павловна Назарян однажды оказалась в центре одного нашего предприятия, должен признаться экстраординарного и невероятного. Она была одним из первых педагогов, кто приехал на работу в школе на собственной машине. Это была роскошь. Новая машина, новые «жигули»! Трудно представить себе шок Инны Павловны, когда

она однажды вышла из школы и не обнаружила свой любимый автомобиль: мы собрались огромной компанией и просто отнесли машину на руках, причем довольно далеко, на Мойку. Это была жестокая шутка, конечно. Все в итоге кончилось благополучно, но Инна Павловна пережила неприятные минуты.

Все обожали физкультуру, потому что там был Влад Владыч — Владимир Владимирович Кирпичев. Он всех нас любил, помогал найти себя в физкультуре. Кто-то не мог подтягиваться, кто-то не мог быстро бегать, но он всех подбадривал, никого не унижал. С ним было легко и весело, он всех мог заинтересовать. Мы с Кирпичевым в первое воскресенье сентября собирались на Финляндском вокзале (как мы говорили, «Финбане»), ехали на электричке в Комарово и шли на Щучье озеро. Мы там проводили целый день, делали шашлыки, играли в футбол и волейбол, бегали и хохотали.

Д. Б. Кого из одноклассников Вы хотели бы вспомнить?

В. Б. Классом мы особенно не дружили, а вот в интернате жизнь была очень дружная. Атмосфера внутри интерната была необычайно миролюбивая и творческая. Очень многие, к сожалению, уехали за границу. Юлия Лев и Леонид Гульчин, например, сейчас в Японии. Юлия Храмцова поет в хоре Мариинского театра. Баянист Андрей Смирнов — участник «Терем-квартета». Даниэль Зарецкий преподает в консерватории. Сергей Белисов, к сожалению, уже умер. Я очень дружил с Димой Соловьевым, композитором, но он, увы, также ушел из жизни. Помню, что прозвище у него было Людовик, за неистовую любовь к Дюма и истории Франции.

Д. Б. Какие яркие впечатления остались от концертов времен учебы в «десятилетке»?

В. Б. Я ходил на концерты постоянно. К счастью, в те годы существовала система «отношений» — пропусков на все концерты. Благодаря этому мы попадали в Большой зал филармонии: помню каждый концерт Евгения Александровича Мравинского, на который мне удалось попасть. Юрий Хатуевич Темирканов, как выпускник школы, всегда опекал «десятилетку». Будучи главным дирижером Мариинского театра, он всегда обеспечивал школьников определенным количеством театральных абонементов. Уже тогда я особенно любил современную музыку, сочинения Шнитке, Губайдулиной, Эдисона Денисова... В те годы Темирканов поставил оперу «Мертвые души» Родиона Щедрина. Удивительно, но она не пользовалась особой популярностью у публики, и наши школьники не особенно ходили на нее. Я же, наоборот, был фанатом этой оперы, ходил на каждый спектакль и знал, кажется, наизусть.

Хороших концертов было много. Годы учебы в «десятилетке» оказали на меня огромное влияние и трудно переоценить то время.

С В. Е. Беглецовым беседовал Д. Ю. Брагинский.